

КУЙБЫШЕВСКИЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ

МЕЧТЫ, ТАЛАНТ, ТРУД

I.

РЕШЕНИЕ уехать из Москвы пришло как итог долгих раздумий и мучительных поисков своей стези в искусстве...

Этот решительный шаг, сыгравший большую роль в дальнейшей судьбе молодого музыканта, был сделан при следующих обстоятельствах. Ранней весной 1952 года Григорий Федорович Пономаренко встретился в Москве с приехавшим из Куйбышева Петром Михайловичем Милославовым, занятым в то время созданием Волжского народного хора. Они давно знали друг друга и, после обычных приветствий, разговор коснулся личной жизни. Пономаренко признался, что ему хочется сочинять музыку, стать композитором-песенником.

— Чего же лучше? — сказал Милославов. — Приезжайте на Волгу, в Куйбышев, и сочиняйте на здоровье! Нам как раз нужен музыкальный руководитель хора. Согласны?

— Подумаю.

— Ладно. Мы будем ждать вас...

Через две недели Григорий Федорович был на вокзале. Поезд отходил ночью. Стоя в коридоре, у окна, Пономаренко глядел на мокрый перрон, проплывавший мимо него в косях сетки весеннего дождя, на серые громады освещенных зданий, на широкие улицы окраин, по которым мчались автобусы и трамваи, на платформы пригородной электрички с одиночными ночными пассажирами и прощался с Москвой. Она была для него бесконечно близкой, привлекательной, и в глубине сознания шевелился червь сомнения: а стоило ли уезжать?

Он вернулся в купе, когда кончилась пригороды. Легкая грусть, словно дымок, обволакивала сердце, рождала тревогу. Нахлынувшие мысли теснились в мозгу, громоздились друг на друга, как тяжелые льдины в половодье, уплывали и назойливо приходили опять. Он увидел себя мальчиком в закатанных по колено холстинных штанах на голом теле, с вихрастым чубом, как у настоящего запорожца... Потом перед глазами возникли серебристая излучина Десны, заречные покосы с лениво плывущими над ними причудливыми облаками, белые хаты родного села, небрежно раскинувшегося вдоль берега речки.

В центре села была огромная площадь, поросшая травой. На ней проводились митинги, демонстрации и базары. Как-то раз, на праздничном базаре, маленький «запорожец» слушал слепца-лирика. Дряхлый дед — последний могикан украинских кобзарей — сидел у дороги, прислонившись к пыльному тополю, вертел рукоятку своего музыкального инструмента и рассказывал певучим речитативом думу-песню о смелых запорожских казаках, о былых походах «на Туреччину». Прохожие бросали ему в расписную деревянную миску звонкую мелочь...

В купе тускло желтеет лампочка под потолком, но Пономаренко хорошо видит откинутую назад бородатую голову, рябое, исчерканное вдоль и поперек обильными морщинами лицо лирика и его незрячие, зажмуренные глаза, как будто тот сидит напротив него в ласковых лучах утреннего солнца. Ему чудится, что он слышит даже жужжание струн и песню. В нее вкрапливаются звуки баяна. И лирик — уже не лирик... Он обернулся в родного дядю Максима Терентьевича — кроткого, веселого человека с большими детскими глазами, который славился в Запорожье как баянный мастер и талантливый музыкант-самоучка.

Очерк

К нему в 1929 году отдали в ученье восьмилетнего Грыща. Мальчику очень не хотелось уезжать из родного села, но такова была воля родителей. А Федор Пономаренко крепко верил, что Максимка выведет его чадом «в люди», и, утешая всхлипывающую у печки жену, весело приговаривал:

— Полно, полно, родненька! Хлопчик и зараз карбованца стое, а колы ему ще боки надуть — и два дадут!

Лет шесть спустя Грыщ — в то время уже бойкий, угловатый юнец с торчащими черными волосами, «кошевой атаман» запорожских подростков — участвовал в областной музыкальной олимпиаде. Вот он спокойно вышел на эстраду, уселся поудобнее, водрузил себе на колени баян, легонько пустил по клавиатуре пальцы правой руки, развел мехи, вслушался и заиграл шубертовский вальс... По справедливости, играл он скучно, беззастенчиво. Но жюри включило его в список участников заключительного концерта.

А на концерте получилось совсем по-другому. Грыщ не помнил, как очутился на сцене, и только уже во время игры, когда из зала пришло ощущение звенящей, живой тишины, он стал лучше понимать, что делает. Лишь его чуть побледило, губы слегка полуоткрылись, глаза еще больше увеличились и сияли каким-то внутренним светом, тепло и нежно. Не объяснимое, неведомое ему доселе волнение, собранность и сосредоточенность придали его пальцам исключительную беглость и послушность. Он сам чувствовал, что еще никогда в своей жизни не играл с таким необыкновенным подъемом, так вдохновенно, как в этот вечер.

Когда он кончил, некоторое время казалось, что музыка все еще живет в его пальцах, в глазах, в благоговейном безмолвии переполненного зала. Он встал, смущенно поклонился и неуклюже побрел со сцены. И уже когда его спина стала скрываться за кулисами, поднялся сначала медленный, потом все убыстряющийся и нарастающий вал рукоплесканий. Его возвращали несколько раз...

Жюри присудило ему первую премию.

Каждый артист запоминает свой первый успех навсегда. Для Пономаренко успех этот имел особенно большое значение, так как совпал с окончанием школы: юный музыкант убедился в своем артистическом призвании. Тогда казалось — будущее ясно, как на ладони. С удивительной энергией стал он заниматься музыкой. Штудировал новые произведения, жадно читал музыкальную литературу, пробовал сам сочинять песни. У него был редкий дар схватывать характерные интонации голоса, тончайшие нюансы и ритмические отклонения мелодий. Не имея прочных знаний, он интуитивно постигал закономерности гармонии, формы, черты стилей.

...Размеренно постукивали колеса, паровоз трубил, и все дальше уносил его от Москвы. За окном, в предвечерних сумерках, клубились серые космы дыма.

2.

ПО ПРИЕЗДЕ в Куйбышев Пономаренко сразу отправился в филармонию. Волжский народный хор занимал здесь часть комнат третьего этажа...

Несколько дней ушло на улажива-

ние различных бытовых вопросов. Когда все было окончательно «утрачено», Пономаренко вздохнул с облегчением.

Жизнь постепенно входила в привычную колею...

Ему понравился город. Понравился и хоровой коллектив, деятельность которого была пронизана новаторством, основанным на глубоком изучении и обобщении опыта народного песенного творчества. Поразительнее всего, что в Куйбышеве словно только и ждали его песен. Почти каждая из них тепло принималась хором, тотчас разучивалась и включалась в программу концертов, которые имели большой успех.

Как-то после репетиции Милославов позвал его в свой кабинет и, рассказывая по тесной комнатке, потирая руки, сказал:

— А ведь ваша «Алена» — совсем недурная вещь. Даже прямо-таки хорошая песня. Это, знаете ли, удача, настоящая удача!

Пономаренко слушал, смущенный, обрадованный, как новичок в искусстве, впервые вкушивший сладость похвал.

— Вы похудели. Что это с вами, дорогой мой? Дома-то все благополучно, а?

— Спасибо, Петр Михайлович. Благополучно.

— Слушайте, а у вас нет желания познакомиться с художественной самодеятельностью на строительстве ГЭС? В самом деле, а? Проедете по Волге, встретитесь с новыми людьми... Нам нужно расширить свои творческие связи.

Пономаренко с радостью ухватился за это предложение и при первой же возможности не преминул им воспользоваться. Ему хотелось осмотреть незнакомые примечательные места, о которых он столько слышал и читал еще до отъезда из Москвы и в дороге. Здесь все было для него новым и необычным. Без усталости бродил он по строительным площадкам, любовался восходом солнца в Жигулях, а вечерами прослушивал концерты участников клубной самодеятельности или помогал хоровым кружкам разучивать новые песни.

Раз он взобрался на поросшую крупным ельником гору. Слева, внизу, начиналась и шла вправо, на запад, большая долина. В глубине ее пестрел новенький, веселый поселок. Впереди была неохватная речная гладь, светлая и сияющая, даже издали прохладная, а там, дальше, на горизонте, теряясь в бледной синеве, тянулась сиренево-серая цепь Жигулевских гор.

«Так вот она, воспетая художниками и поэтами, прославленная в песнях красавица-народная, колыбель столько талантов» — подумал Пономаренко.

Потом, улыбувшись какой-то сокровенной мысли, легко, по-мальчишески, побежал по склону, распахивая перед собой упругие, цепкие ветки кустарника. Выбрав хорошее место, он долго сидел на краю обрыва, любясь открывшимся видом.

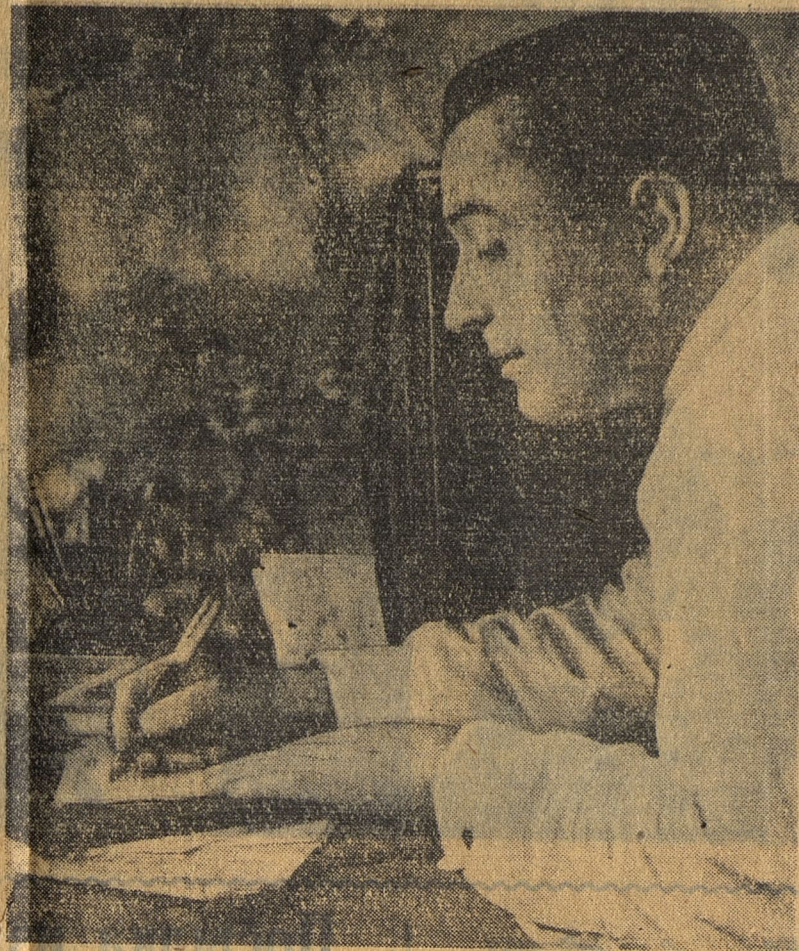
Ровный, сильный ветер бил ему в лицо, развевал волосы, трепал тенниску.

3.

ШЛО ВРЕМЯ... Он побывал во многих приволжских городах и селах. Раскопал где-то никому неведомых певцов и певуний, помнивших старинные обряды и песни, записал много произведений народного музыкального творчества. Некоторые из них — «Меж крутых бережков», «Эх, да полно ветру бушевать», «Похвистневская кадрили», «Нижегородский хоровод» — украсили репертуар Волжского хора.

Параллельно кипела работа с мос-

(Окончание на 4-й стр.).

Заслуженный артист РСФСР Григорий Федорович Пономаренко. Фото З. Брайнина

МЕЧТЫ, ТАЛАНТ, ТРУД

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

ковскими и куйбышевскими поэтами — Виктором Боковым, Василием Алтоферовым, Николаем Жоголевым, Велнаином Бургиным, с артисткой хора Марией Анфиногеновой — дочерью известной в Поволжье народной певицы. В содружестве с ними Пономаренко создал несколько лирических песен, завоевавших известность. Первые песни дались ему с великим трудом. Не так-то просто оказывалось «пойти» от любимых украинских напевов, а главное — ведь нужно было глубоко прочувствовать особенность волжских мелодий, нащупать какую-то канву, какую-то свою, еще нехоженую, тропинку, чтобы на править по ней творческие усилия. Для этого потребовалось несколько лет.

Ранние сочинения Пономаренко говорили о несомненных композиторских способностях их автора, но в то же время в них нельзя было не заметить влияния тех или иных музыкальных источников, а порой и прямого подражания песням И. Дунаевского, В. Захарова, А. Александрова. В них не ощущался еще «колорит», присущий лучшим образцам народных песен Поволжья. Правда, это в известной мере восполнялось самобытной манерой исполнения, свойственной Волжскому народному хору.

На первых порах Пономаренко не придавал большого значения своим неудачам, но и не обольщался успе-

хами. Прекрасно зная, что ему нужно много наверстывать, чтоб вооружить себя для настоящего творчества, он засел за учебники гармонии и полифонии. Это была осознанная необходимость — отбросив самолюбие, приняться за будничную работу.

Вечер... Григорий Федорович расхаживает по комнате в майке и тапочках на босу ногу. На стене колеблется большая перекошенная тень. Из соседней комнаты доносятся монотонные голоса. Это его жена и дочка Татьяна, видимо, укладываются спать. Они немножко обиделись: сегодня днем у него опять — в который уж раз! — не нашлось времени, чтобы пойти с ними погулять. «Незачем было обещать!» — сказала жена...

Григорий Федорович садится за стол, перебрасывает странички календаря, перекладывает нотные листы и пробегает глазами то, что было написано вчера. Дойдя до последних строчек, он на мгновение задумывается, затем берет четвертушку бумаги с напечатанным посредине текстом песни, быстро от руки наносит карандашом на полях близко одна к другой пять параллельных линий, рисует на них, слева скрипичный ключ, и, поспешив с минутой, начинает бегом набрасывать ноты. Пишет, черкает, пишет заново, наконец, склоняет голову набок. Ничего! Как будто ладно! Молча просматривает музыку и слова песни:

Разлилася Волга морем,
Затопила берега.

отражается свет лампы. На полу валяются смятые листы бумаги. Кругом все тихо. Закончив музыкальную фразу, Пономаренко срыву относит от странички карандаш, читает текст припева:

Эх, Волга-речка,
Не боли, сердечко,
Не боли, сердечко,
Хоть скажи словечко.

Мелодия ясна, он слышит ее, она выпевается в его воображении: «трам-та-та-ра-ам-та та-та-та-рим-тарам-та»... И чтоб не потерять найденной нити, он, не отвлекаясь, до конца, списывает всю страничку...

Прямоугольник окна медленно светлеет. Небо помутнело. Снег на дворе, на крышах становится бледно-синим. В палисаднике, в голых кустах, уже затевают свою возню проснувшиеся воробьи.

Откинувшись на спинку кресла, Пономаренко с наслаждением потягивается, тихонько что-то напевает, потом гасит лампу, встает из-за стола. Не раздеваясь, он ложится на диван и, закинув руки за голову, закрывает глаза. Но долго, в полузабытии, он все еще слышит внутренним слухом всплывающие откуда-то мелодии — то смутные и сумбурные, то залихватские и бесшабашные, то вдруг поразительно нежные, светлые и прозрачные.

Трудно перечислить названия всех его песен — их очень много. Они разнообразны по своему содержанию и жанру. Одни из них пронизаны высоким гражданским пафосом («Ленин

Я недавно
в Жигулевске
Полюбился
паренька...

В недопитом
стакане чая золоти-
стым огнем

— наше зная», «Спасибо партии родной», «Поют волгаря», «Ой, ты, Волга, край морской», «Марш коммунистической бригады», другие — задумчивой лирикой («Не пришел милый мой на свидание», «Весна заречная», «Полюбил моряк волжанку», «Эх, Волга-речка, не боли, сердечко», «Ивушка»), третьи — искрящимся весельем, жизнерадостным юмором и задором («Алена», «Селезень», «Трынды-рынды», «Непонятливый такой»). И в каждой из них — свой музыкальный образ, свои обороты речи.

Творчество Пономаренко многими нитями связано с русской, в частности, волжской народной песней. Лучшим его произведениям присуща своеобразная импровизационность. Создается впечатление, будто написаны они, говоря словами Гоголя, «не с пером в руке, не на бумаге, не с строгим расчетом, но... когда душа звучит». Наверно поэтому песни его так сердечны, просты, непринужденны.

Значительная часть из них написана в тесном содружестве с Волжским народным хором и вошла в его репертуар. Вызвав к жизни новую форму концертных выступлений, в которых старинные волжские и современные советские песни прекрасно сочетаются с недостижимыми по виртуозности плясками и величавыми хорами, этот коллектив явился родоначальником нового исполнительского жанра.

Недавно группе творческих работников Волжского народного хора, в том числе и Г. Ф. Пономаренко, присвоено почетное звание заслуженного артиста Российской Федерации.

С. ЛИСЕЦКИЙ.